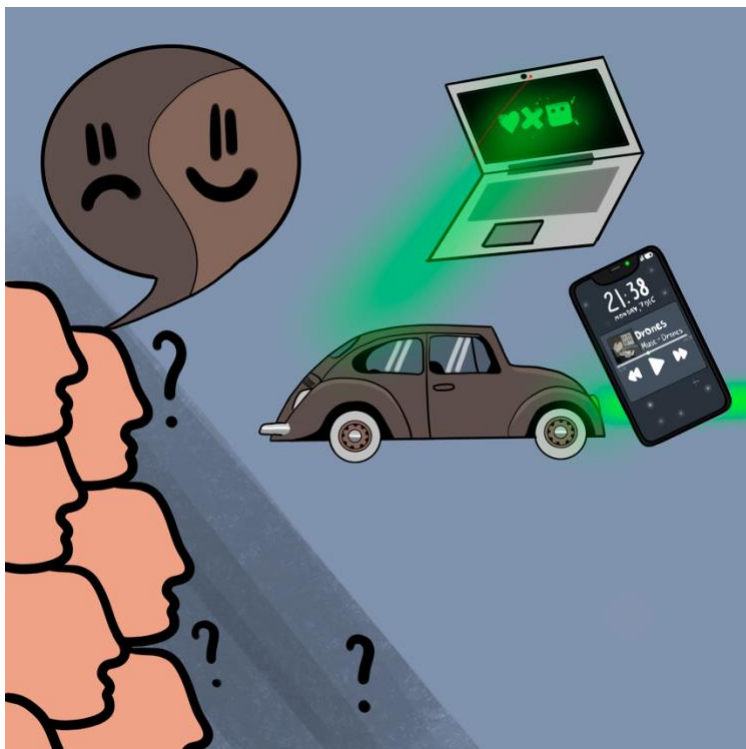

Технопессимизм & технооптимизм

Арина Лепилова (образовательная программа «Философия»)

Две основные точки зрения на возможные сценарии развития взаимоотношений между техникой и человеком — технооптимизм и технопессимизм — главным образом исходят, эксплицитно или имплицитно, из некоей телеологии, из цели исторического развития или же утверждения отсутствия таковой. В свою очередь полагание исторического развития основано на представлении о времени как линии последовательных событий, каждое из которых обычно рассматривается

как причина и следствие, и какой-то из этих элементов может признаваться закономерным и необходимым, а какой-то — случайным или несущественным. Впрочем, по преимуществу все они — факты, события, действия — оказываются вплетены в определенный систематизирующий их взаимосвязь нарратив, устремляющийся в момент времени, отдаленный от философствующего в этот период ума недостижимой дистанцией, заполнить которую можно бесконечными комбинациями событий. Возможно, есть некоторый смысл вычислять степень вероятности наступления того или иного варианта развития событий, но, с философских позиций, кажется куда более осмысленным говорить о будущем, лишь достаточно осмыслив то, что уже дано, — прошлое и настоящее.

Не вдаваясь в подробности дискуссий о методах философии истории, о методике истории как науки, чтобы не упустить из виду проблематики собственно философии техники, следует отметить: всякая оптимистическая или пессимистическая картина будущего мира и будущего человека в мире техники или ее отсутствия — это *прогноз*, основанный на систематизации определенных представлений о прошлом и об определенном понимании человека вообще, а следовательно — о выделении *принципа* развития отношений человека и техники. Можно наметить следующие онтологически различающиеся пути определения

такого принципа: 1) на основании понимания человека как обладающего разумом и свободой, которая выражается, прежде всего, в активности разума, в самоопределении человека к действию. Такое понимание идет рука об руку с пониманием истории как осуществлении свободы, и здесь техника является лишь неким вспомогательным средством, оказывающимся во многом прерогативой мира физического в противовес идеальному, т.е. свободе; она не обладает такими человеческими характеристиками, как спонтанность мышления, сила воображения, аффекты и страсти (Кант, Шиллер, Фихте, Гегель); 2) на основании раскрытия сущности техники и ее роли в понимании истины (Хайдеггер).

В первом случае мы говорим о так называемом классическом противопоставлении, характерном для традиции, берущей начало у Декарта, – субстанции мыслящей и протяженной. С некоторыми оговорками можно обобщить это и сказать так: техника – это поддающийся определенному оформлению материал, пассивность. В свою очередь она, конечно, может служить *средством* для обработки другого материала, но в целом определяется законами естественных и точных наук: ее поведение просчитывается. В то же время техника – в ином значении, но в рамках той же онтологии – относится к способам деятельности и представляет собой набор правил, алгоритмов, которые должен выучить сам человек, чтобы затем воспроизводить их в труде, искусстве и прочих видах активности, т. е. в области своего проявления. Как в первом, так и во втором случаях определения техники возможно встать на позицию оптимизма или пессимизма. Оптимизм может быть основан на вере в победу чисто человеческого, в бесконечность совершенствования человеческого рода и его приближения к Абсолюту, в реализацию его назначения в качестве человека. Это – просвещенческая вера в разум, в господство человека над природой, над объектами, над областью пассивности, не-Я. Такое представление показывает Фихте: «Подчинить себе все неразумное, овладеть им свободно и согласно своему собственному закону – последняя конечная цель человека; эта конечная цель совершенно недостижима и должна оставаться вечно недостижимой, если только человек не должен перестать быть человеком, чтобы стать богом. В понятии человека заложено, что его последняя цель должна быть недостижимой, а его путь к ней бесконечным»¹.

Пессимизм же может быть основан на всепоглощающей механизации труда, исчезновении творческого характера деятельности, подчинении человека принципу

¹ Фихте И. Г. Несколько лекций о назначении ученого // Фихте И. Г. Сочинения: в 3 т. Т. 2. / Сост. и примеч. В. Волжского. СПб.: Мифрил, 1993. С. 18.

математического просчета, подавлении его свободы, а также – что уже относится к игре воображения в духе антиутопий – исчезновении человеческого рода вообще. Еще одной стороной пессимизма представляется понимание природы как неподвластной человеку стихии, способной в любой момент нанести ответный удар за бездумное и высокомерное отношение к ее ресурсам. В таком случае мы будем говорить о господстве машин, о порабощении человека, об экологических катастрофах, а попытки спасения будут сведены к морализаторству в духе Г. Ропля: «Природа нашей планеты еще имеет последний шанс: если человек не совершит требуемого ныне экотехнического поворота, то он рано или поздно, согласно экологическим принципам, исчезнет»². Философ техники рано или поздно в силу определенных экономических и политических обстоятельств обретет статус эксперта по конечному и неоспариваемому определению понятий хорошего и плохого, красивого и безобразного, etc., которые затем можно будет в виде императивов и руководств для поведения включить в краткий курс для специалистов самого широкого профиля.

При обоих подходах в рамках такой онтологии мы видим противопоставление, характерное для «старого» спора: между материей и формой, свободой и необходимостью. Принимая за отправную точку наличие в человеке «вечного», «неизменного», личности (Person), о которой говорил в том числе и Шиллер, некоего не поддающегося подсчету и эксперименту активного начала, одухотворяющего принципа, делающего человека прежде всего свободным, мы рискуем оказаться в области непрекращающихся споров оптимистов и пессимистов, в котором каждый на свой лад и для своих целей будет оценивать влияние техники, делать прогнозы на будущее. Стоим ли мы на позициях просвещенческих или контрпросвещенческих; верим ли мы в победу разума или в темную силу бессознательного, но здесь – «Вновь на сцене старые фигуры, и не переменялось ничего, кроме схемы их противостояния друг другу...»³.

Без углубления в понимание сущности техники мы действительно окажемся в плену подобного одностороннего мышления и жарких дебатов. Посему было бы разумно рассмотреть технику онтологически иначе. Выпутаться из этих сетей поможет Хайдеггер в «Вопросе о технике». Несмотря на то, что его настроения в отношении техники скорее пессимистические, его пессимизм оказывается целительным и с некоторой долей «просвета» надежды. В нем просматривается возможность выбора в пользу отказа от падения, а именно –

² Ропль Г. Техника как противоположность природы // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 12.

³ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт // Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: Наука, 2002. С. 10.

падения во власть техники со всеми последствиями как для отдельного человека, так и в целом для той установки, которая формируется *людьми*. Постав, который характеризуется как просчет, подсчет, механизация и необходимость постоянного извлечения той или иной выгоды (в том числе энергии, ресурсов), может быть преодолен. И дело не в том, что технические изобретения просто втягивают нас в определенную систему отношений и только затем определяют наше поведение; а в том, что есть предшествующий этому выбор в пользу того или иного способа отношения к техническим разработкам. Выбор этот может быть обусловлен изначальным попаданием человека в определенную историческую ситуацию, в уже существующие и принятые смыслы и способы понимания. Углубление в рассмотрение сущности понятий в такой ситуации покажет, что дело не просто в определенных следствиях использования некоторого средства, помогающего человеку как активному разумному существу воздействовать на материю в классическом понимании, а, скорее, в том, чтобы усмотреть за этим способ раскрытия потаенности. Важно, каким образом происходит раскрытие потаенности, идущей рука об руку с пониманием той самой свободы, обретающей в этой исторической интерпретации уже иное раскрытие. «Свобода правит в просторе, возникающем как просвет, т. е. как выход из потаенности. Раскрытие потаенного, т. е. истина — событие, к которому свобода стоит в ближайшем и интимнейшем родстве»⁴. Свобода, понимаемая не в контексте чистой причинности и связи с волей, открывает путь к возможности пропустить раскрытие потаенности человеком, не успев обнаружить более раннюю истину в противовес раскрытию существа техники; таков технопессимизм Хайдеггера в «Вопросе о технике».

Впрочем, такая несубстанциальная точка зрения, расчищая поле философствования от бесконечного приведения определений, от противопоставлений двух начал, субстанций, необходимости преодолевать дуализм и противоречие между свободой и природной необходимостью, раскрывает возможности рассмотрения более фундаментального. Пессимистическая и оптимистическая точки зрения на технику в такой плоскости оказываются не вопросами о будущем господстве техники над человеком или человека над техникой, а вопросами, прежде всего, философского характера в изначальном понимании задачи философского метода в раскрытии сущности и истины. Такое вопрошание философии

⁴ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 232.

техники при более тщательной разработке смогло бы способствовать преодолению «болезни» современного философствования от второстепенных и не входящих в ее область вопросов.

Библиография

Рополь Г. Техника как противоположность природы // *Философия техники в ФРГ*. М., 1989.

Фихте И. Г. Несколько лекций о назначении ученого // *Фихте И. Г. Сочинения: в 3 т. Т. 2.* / Сост. и примеч. В. Волжского. СПб.: Мифрил, 1993.

Хайдеггер М. Вопрос о технике // *Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления* / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993.

Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт // *Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация; О боли*. СПб.: Наука, 2002.

Сноски

1 *Фихте И. Г.* Несколько лекций о назначении ученого // *Фихте И. Г. Сочинения: в 3 т. Т. 2.* / Сост. и примеч. В. Волжского. СПб.: Мифрил, 1993. С. 18.

2 *Рополь Г.* Техника как противоположность природы // *Философия техники в ФРГ*. М., 1989. С. 12.

3 *Юнгер Э.* Рабочий. Господство и гештальт // *Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация; О боли*. СПб.: Наука, 2002. С. 10.

4 *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // *Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления* / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 232.

.